

Эту рукопись я получил в Париже в 1976 году.

Я жил тогда в маленьком отеле «Delavigne» в Латинском квартале. Приехал я на премьеру своей пьесы и перед началом дал интервью парижской газете. На следующий день консьерж вручил мне тяжелый конверт... В нем была машинописная рукопись на русском языке и письмо, написанное от руки неровным почерком.

«Соотечественник!

Прочитал ваше интервью в «Монд». Узнал, что вы решили (точнее – решились) написать биографию «первого большевистского царя Иосифа Сталина». Так вы назвали моего дорогого друга Кобу.

Я стар. Я стремительно гасну, дней моих на земле осталось немного. И все, записанное мною на протяжении десятилетий... небывалых десятилетий! – попросту исчезнет в чужом городе. Я решил поторопиться... приходится торопиться... Я передаю рукопись вам. Я писал ее тогда и теперь. Тогда в стране по имени СССР записывал подробно и, не скрою, витиевато. (Я ведь, как многие в революционные годы, баловался литературой, даже роман писать собирался. Оттого и жилище в Париже выбирал литературное –

Иосиф Сталин. Последняя загадка

живу здесь, в Латинском квартале, где меня, старого революционера, окружают такие родные, понятные тени. На мой дом глядят окна квартиры отца Революции Камилля Демулена, и отец гильотины, немец Шмидт, жил неподалеку. В двух шагах от моего дома Бомарше сочинял своего Фигаро... Над его наглыми шутками, раздевавшими аристократов, хохотали до упаду сами аристократы. А вскоре такие же Фигаро погнали на гильотину всю эту веселившуюся сволочь. Запомните: самые грозные идеи приходят в мир веселой, танцующей походкой. Родной нашей грузинской лезгинкой часто приходят они в мир.)

Я заканчивал писать свои Записки здесь, за границей, и, к сожалению, кратко. Дрожит рука (Паркинсон). Дрожит жалкая рука, которая так ловко убивала.

Я не надеюсь, что эти Записки помогут вам понять «нашего Кобу» – как звали товарища Сталина мы, его старые, верные друзья. Разве можно понять такого человека? Да и человек ли он?

Но смерть Кобы понять помогут. О ней написано много всякого вздора. Коба ненавидел Троцкого, но ценил его мысли. Были у Троцкого слова, рядом с которы-

Эдвард Радзинский. АПОКАЛИПСИС ОТ КОБЫ

ми Коба поставил три восклицательных знака: «Мы уйдем, но на прощанье так хлопнем дверью, что мир содрогнется...» Эти слова имеют прямое отношение к жизни Кобы, но еще больше – к его смерти.

В своем интервью вы сообщили, что хотите поговорить с охранниками Кобы, которые были с ним на даче в ту ночь... В ту судьбоносную ночь, когда все случилось! Пустое занятие! Они ничего не знают. Из ныне живущих знаю только я, его безутешный друг Фудзи, не переставший думать о нем.

И Коба по-прежнему рядом с Фудзи. Такие, как Коба, не уходят. Он лишь на время схоронился в тени Истории. И поверьте, Хозяин – как справедливо звала страна «нашего Кобу», вернется в свою Империю. Впрочем, все это предсказал он сам, мой незабвенный друг Коба.

Мой заклятый враг Коба.

Он часто приходит ко мне по ночам, как только я засыпаю. И я чувствую его запах – старческий запах пота поношенного кителя генералиссимуса».

Подписи не было.

Далее шла рукопись.

ВОЙНА

Война, ее начало и действия Кобы накануне войны не разгаданы до сих пор.

Коба — подозрительнейший из людей, не доверявший даже собственной тени, этот вечный Фома неверующий — доверился Гитлеру?! Гитлеру, который только и делал, что беззастенчиво лгал, нарушал свое слово. Об этой слепой, глупейшей, необъяснимой вере Кобы вы прочтете в десятках сочинений. Прочтете и о том, как в результате этой веры Коба оказался преступно не готов к падению, за что страна и заплатила миллионами жизней.

На самом деле всё было куда сложнее... Однако по порядку.

В это время Коба редко звал меня. Слежка за мной продолжалась. Открытая, наглая — чтобы я о ней знал. Телефон грубо прослушивался. В воскре-

сень его попросту отключали — дескать, у нас выходной, и слушать тебя мы не можем. Мой кабинет на Лубянке Берия закрыл на ремонт, и я теперь сидел в Наркомате иностранных дел. Старый знакомец Молотов поручал мне какую-то рутинную, чиновничью работу. Когда я должен был выехать в Париж, мне с усмешкой объявили: «Иосиф Виссарионович очень любит, когда вы переводите ему иностранное кино, поэтому вам следует пока воздержаться от отъездов».

И когда неожиданно выгнали с работы жену, я начал действовать. Свое агентурное имя я закодировал по-новому. Его знали теперь только мои агенты. Я послал им сообщение: «Если нет известий от (далее шло новое имя), вся сеть должна лечь на дно...» Так что если меня отправят на тот свет, моя агентурная сеть автоматически выключится.

Заканчивался сороковой год, но меня не тронули. На Новый год Коба опять меня не позвал. В новогоднюю ночь мы с женой и дочерью посидели немного и в половине первого легли спать. Телефон мой отключили.

С улицы из телефона-автомата я позвонил Кобе — поздравить его. Но меня с ним не соединили.

В начале весны Гитлер принялся захватывать Европу. Напал на Норвегию и Данию...

Как сообщил Корсиканец, на рассвете в пятом часу министры иностранных дел Дании и Норвегии были разбужены немецкими послами. Заспанным министрам объявили, что Германия вынуждена защитить их от угрозы англо-французской оккупации.

Предупредили, что сопротивление бесполезно. В это время корабли и транспорты с погашенными огнями под английскими флагами уже подходили к норвежским и датским берегам.

Дальнейшее я прочел в газетах.

В Норвегии были захвачены один за другим порты Тронхейм и Норвик, немцы беспощадно топили корабли, оказывавшие сопротивление.

У Бергена подоспели на помощь англичане, атакой с воздуха отправили на дно немецкий крейсер. Однако уже к полудню крупнейшие порты и побережье в полторы тысячи миль были в руках немцев.

Правда, захватить Осло с моря немцам не удалось, старинная крепость потопила другой немецкий крейсер и полторы тысячи немецких моряков.

Осло захватили немецкие десантники. После беспощадной бомбардировки небо расцвело парашютами. Десантные группы высаживались с самолетов прямо на крыши укреплений...

Но норвежский король упрямо не хотел сдаваться. Он бежал в горы вместе с правительством и при-

звал народ к сопротивлению. В одну из редких тогда встреч с Кобой я переводил ему статью из «Таймс». В ней рассказывалось, как немецкие самолеты превратили в горящие обломки деревню, где, по их расчетам, находился король. На самом деле он вместе с правительством отсиживался в горах, в лесу. На этом лесном заседании кабинета король сказал: «Если правительство сочтет нужным принять немецкие условия капитуляции, чтобы избежать войны, в которой нашей молодежи придется отдавать свои жизни, тогда мне придется отречься. Ибо согласиться сотрудничать с врагом я не могу».

Коба выслушал и промолчал.

В следующий раз я увидел Кобу через пару месяцев.

К этому времени Гитлер добился потрясающих успехов. В конце апреля английская бригада, усиленная французами, высадилась в Норвегии. И сразу попала в отчаянную ситуацию. Корабль, нагруженный английской артиллерией, немцы отравили на дно.

Англичане остались с винтовками и пулеметами против немецких орудий и танков. После двадцатичетырехчасового боя под непрерывной немецкой бомбежкой они эвакуировались из Норвегии.

— Говорят, — усмехнулся Коба, — твоему храброму королю пришлось драпать на английском пароходе.

На этот раз промолчал я...

Коба поспешил поздравить Гитлера с «успешными оборонительными действиями в Скандинавии».

«Оборонительные действия» немцев в Дании прошли еще успешнее.

Перед рассветом немецкий транспорт с одним батальоном и техникой преспокойно прошел мимо береговых батарей и вооруженного до зубов форта. Форт охранял вход в гавань. Датские вояки в форте мирно почивали, когда немецкий корабль пришвартовался в пятидесяти метрах от штаба датской армии и в трехстах метрах от королевского дворца. Оба объекта были захвачены без малейшего сопротивления.

Дания — равнинная страна, и семидесятилетнему королю бежать было некуда.

Король сказал немецкому генералу, что он сделает все возможное, чтобы сохранить мир между немцами и его народом.

Вскоре Коба позвал меня переводить очередную кинохронику, присланную Гитлером, — о захвате Норвегии и Дании.

На экране показывали ирреальную войну, похожую на стремительную туристическую прогулку. Только «туристы» мчались на танках и спускались на парашютах — убивать. И вешали флаги со свастикой на домах, а людей — на виселицах.

Просмотрев фильм, Коба остался... доволен! Я с изумлением понимал, что он всерьез воспринимает Гитлера как надежного союзника. Он объявил неожиданное:

— Теперь англичане и французы не нападут на нас из Скандинавии.

Мой великий друг будто ослеп, не осознавал, что из-за разгрома Польши и войны с финнами мы и Гитлер стоим друг против друга от Черного моря до Северного. И после победы в Скандинавии немцы нависают над нашей северной границей. Благодаря Финской войне у нас под боком, недалеко от Ленинграда, вместо нейтральной Финляндии — ненавидящий враг.

Вместе с Кобой в тот вечер смотрели фильм Берия и Молотов, и поговорить с ним о себе мне не удалось. Я попросил Кобу назначить личную встречу.

— Встретимся как-нибудь, — сказал он насмешливо. И отошел.

Гитлер продолжал поедать Европу. Как он обещал еще в двадцатых годах в «Майн Кампф», он решил уничтожить ненавистную Францию...

Накануне вторжения во Францию, когда немецкая армада двигалась к западной границе, Коба писал в «Правде» (вернее, велел написать): «Народам ныне стало ясно, какую ответственность взяли на себя твердолобые империалисты, отвергнув в

свое время мирные предложения Германии и развязав войну в Европе...»

После такой беспардонной лжи как находить либералов, готовых стать нашими агентами из идейных соображений?!

Информатор сообщил мне окончательную дату нападения Гитлера на Бельгию, Голландию и Францию. Впрочем, ее знали все западные разведки. Правительства заинтересованных стран были предупреждены.

Но если Бельгия и Голландия были просто беззащитны, то Англия и Франция оказались совершенно не готовы к немецкому нападению.

Британия занималась перестановками в правительстве (тучный человек с вечной сигарой в зубах — Уинстон Черчилль сменил там жалкого Чемберлена), Франция пребывала в состоянии непонятного спокойствия.

Я сообщил о готовившемся нападении Кобе. Коба снова... был доволен. Сказал, что «сейчас капиталисты обескровят друг друга в беспощадных сражениях, а мы пока воспользуемся военными действиями — получим с мерзавца новую плату за сотрудничество».

События развивались по иному сценарию, все с той же нереальной, пугающей быстротой. Войска Гитлера повторили великолепный польский блицкриг. Уже не с жалкой польской армией, но с фран-

цузской, считавшейся недавно сильнейшей в мире, он показал, что такое самая исполнительная в мире армия при диктатуре.

Началось все 10 мая сорокового года. Посол Бельгии и посланник Нидерландов были вызваны в немецкое Министерство иностранных дел. Им сообщили уже знакомое датчанам и норвежцам: «В связи с возросшей угрозой нападения англо-французских войск и для защиты нейтралитета вашей страны от англо-французской агрессии...» и так далее.

В это время германская армия уже перешла границу Бельгии, и немецкие бомбардировщики уничтожали самолеты на аэродромах.

Это была поистине невероятная шестинедельная война. (Хорошо помню поразивший меня и конечно же Кобу фантастический срок — шесть недель на завоевание Франции, Бельгии, Голландии...)

Молниеносным рывком через покрытые лесом Арденны Гитлер обошел неприступную французскую оборонительную линию Мажино. Моторизованные колонны немцев устремились к Ла-Маншу. Они разрезали пополам англо-французскую группировку, голландские и бельгийские войска капитулировали. Судьба Франции была решена.

Теперь против Гитлера оставалась одна Англия. Маленький остров против захваченного Гитлером целого материка.

Черчиллю было шестьдесят пять лет, когда он возглавил окруженный неприятелем обреченный остров.

Он был стариком, но, как писал один из кембриджских агентов: «Это слово никогда не придет вам на ум. Ибо Черчилль не человек, это — электростанция. Он может один выдуть бутылку виски, сожрать невероятное количество мяса, причем непременно на ночь. Он спит пару часов... если вообще спит. Любой молодой человек от такого режима отправился бы на тот свет... этот становится только здоровее. Вчера в парламенте он сказал: “Все, что могу я вам предложить, это кровь, тяжкий труд, слезы и пот...” Но при этом чаще всего повторялось слово “Победа”! Он произнес как заклинание: “*Победа*, которой мы добьемся любой ценой. *Победа*, невзирая на любые ужасы войны. *Победа*, какой бы трудной ни была к ней дорога...” Теперь всюду, где бы он ни появлялся, его правая рука поднята в приветственном жесте с двумя пальцами, раздвинутыми буквой “V” (victory). Он сделал этот жест самым модным на острове!»

В июне, когда Гитлер вошел в Париж, Коба начал предъявлять ультиматумы.